

ВАШИ ЗНАМЕНЫЕ ЗНАКОМЫЕ

ЛЮБОВЬ ОРЛОВОЙ

«Все профессии — заговор специалист об против профанов».

Этих слов Шоу нет в пьесе «Милый лжец», где Любовь Орлова более двухсот раз сыграла на сцене Театра имени Моссовета знаменитую английскую актрису Патрику Кемпбелл.

Слов нет, но мысль Шоу присутствует в игре Орловой. И не только в роли английской актрисы.

Блеск профессии во всем, что делает Любовь Орлова.

Слава — это, вероятно, когда одно и то же повторяют об актрисе с удивительным комплиментарным постоянством и, однако, повторенное не становится менее

значимым, не надоедает, не перестает быть справедливым.

Успех — величина не постоянная. Да и не всегда величина.

Слава без жалости проверяется временем, и утвердившееся постоянство не должно пугать нас произнести громкие слова. Произнесем: Орлову знает каждый — спросите любого...

Тем более, ни для кого не секрет: слава не освобождает художника в жизни и работе от забот и тревог, от гроз и снегов, обязательных и для тех, кто не провалился до сих пор или вообще.

Слава — не страхового полиса. Профессия составляет свой заговор против профанов ежедневно. И верность высоте профессии — самое главное и трудное.

За азартную и блестящую верность ей мы и любим так давно и долго Любовь Орлову.

В начале карьеры Орловой на подмостках оперетты немецкий антрепренер просил у руководителя Музыкального театра Немировича-Данченко отпустить молодую певицу с ним: «Я сделаю из Орловой звезду».

Любовь Орлова стала звездой без помощи иностранной антрепризы.

Звезда не в астрономическом применении — выражение опасное, но мы же договорились не бояться громких слов, когда с нами согласна целая страна.

Орлова — актриса особого амплуа, пожалуй, до сих пор в нашем кино никем не освоенного.

Известный театралный администратор Игорь Нежный вспоминал, что Немирович-Данченко сразу оценил Орлову, но считал, что «в ней сильно давали себя чувствовать эстрадные тенденции. Я ей сказал, что это может быть ей во вред и что она должна найти свой особый жанр. Орлова меня послушалась и нашла его. Правда, в кино, с помощью Александрова. Но какая разница, в конце концов, где. Важно, что смело, свежо, талантливо. Особенно, «Волга-Волга...».

Гордость нашего кино и гордость жанра — музыкальной комедии, без Орловой едва ли представимого... Подобными словами не бросаются. Нужны разъяснения, доказательства, хотя, собственно, вся работа Орловой — доказательство.

Допустим, неотразима внешняя сторона: прелестная и победительная женственность этой актрисы, участие в главных ролях лент, нашумевших и не сходящих с экрана, портреты на обложках, хвалебные рецензии и статьи, сотни интервью, поездки на международные фестивали, встречи, знакомства, дружба со знаменитостями, с великими мира искусства, литературы, науки, фотография — вот Орлова, а рядом Чаплин, ни больше, ни меньше...

Специальные женские и спортивные журналы подробно описывают режим Ор-

ловой, подчеркивают жестокий физический тренинг; спорт и занятия в бальетного станка, постоянство пребывания в форме.

Но профессия актера — труд тяжелый, постоянный и для тех, кто вовсе не знает. Чаще случается, талант и менее прилежен, зато острее целенаправлен.

Понятие звезда в применении к Орловой — резко, предельно резко выраженная радость самостоятельности. Она знает, чего хочет — в жизни и в искусстве.

В роли она ищет сопряжения профессиональностей. Своей, актерской, и персонажа — в дозах, подвластных художественному отбору.

В «Светлом пути» она играет ткачиху, по ходу действия две минуты действительно работает у ткацкого станка. Специально обучается — сначала в текстильном институте, потом на Глуховской фабрике. Занимается завязыванием ткацкого узла — и в цехе, и во всякое другое время: «Дома завязала всю бахрому у скатертей и занавесей, на полотенцах и шалах. В моей сумочке всегда был моток пряжи, чтобы во всякую удобную минуту потренировать пальцы на быстрое завязывание ткацких узлов».

Взаимообогащение профессиональностей помогает пластической адаптации Орловой в роли, в ее ритме, в возникающем внезапно танце настоящих пальцев ткачихи. Она профессионал, Любовь Орлова, и ей никак безразлична профессия женщины, которую она играет. И это не копирование. Чисто актерская профессиональность означает чуткость к жанру. И условности музыкальной комедии накаляются органикой от смелого прикосновения к реальности.

Орлова, конечно, обязана Григорию Александрову, открывшему ее в спектаклях Музыкального театра и руководившему ее работой в лучших лентах и ролях. Доверие Александрову высказано Орловой неоднократно. И последняя удача в театре — «Милый лжец» — достигнута ими также в содружестве.

Но и вряд ли настойчивость Александрова искать ответы на проблемы современности в положениях и музыке веселых комедий оправдалась бы столь полнозвучно и успешно, не будь в распоряжении режиссера исполнительницы класса Орловой.

Музыкальность и физическая форма при прочих великолепных артистических достоинствах Орловой, то есть опять же профессионализма без страха и упрека (со всевозможными трюками, танцами, песнями, запетыми зрителями после выхода лент на экраны), позволяли свободно соединять концертные номера и драматические эпизоды, избегав, казалось бы, неизбежных в картине другого режиссера психологических потерь, недоговоренности, полуправд.

Из художественной практики известно: вкус — источник страданий. Страданий, разумеется, возвышенных, благородных, а все равно ведь страданий.

Ожидание своей роли, безуспешный поиск, разочарование предложенным и категорический отказ братья за то, к чему не лежит душа, — и звезде нашего кино Любови Орловой не суждено было форсировать в короткие сроки печальные обстоятельства.

Виктор Шкловский замечает в «Книге про Эйнштейна», что кинематография изменяется, и смены в ее искусстве «мучительны и часто кажутся непобедимыми». Сколько лет мы не видели на экране Любовь Орлову в новой роли...

Лишь в декабре прошлого года в прессе появилось сообщение: Григорий Александров намеревается приступить к съемкам фильма «Скворец и Лира». «Скворец» и «Лира», — объяснил постановщик, — псевдонимы двух наших разведчиков, мужчины и женщины, живущих далеко от родной страны, отдавших себя опасной борьбе за ее счастье». Орловой поручена роль разведчицы Леры.

Самостоятельная суть профессионального характера Орловой еще раз доказана ее жизнью в грустный период отсутствия киноролей.

Она вернулась на драматическую сцену. Вернулась — термин в данном случае несколько относительный: стаж прежней театральной работы Орловой не соответствовал ее артистическому имени, завоеванному в кинематографе.

Драматический театр вообще-то не признает перерывов: именно непрерывность пребывания в процессе выгодно отличает его мастеров от коллег из кино. К тому же театр серьезный — Завадского.

Но оказалось, что страница трудовой биографии Орловой, набранная и не совсем привычным шрифтом театральных фиш, — «Сомов и другие», «Нора», «Милый лжец», «Лиззи Мак-Кей» Сартра — прочитана ею не во вред репутации. Отнюдь. Не склонный к восторгам Сартр сказал: «Любовь Орлова — действительно лучшая из всех известных мне исполнительниц роли Лиззи Мак-Кей».

Теперь и впереди — и кино, и театр. Или театр сначала? Посмотрим — мы же зрители. И ждем Орлову, и ждем от Орловой. Слава, как ни велика она, не заменяет следующего шага.

«...Орлова играет эту роль», — когда-то куплетная интонация озвученного титра.

«...Орлова играет эту роль», — в дальнейшем рефрен хроники кинематографических времен.

«...Орлова играет эту роль» — не случайное, не преходящее событие нашей жизни.

«...Орлова играет эту роль...»

Александр НИЛИН.

Фото М. Лауэрмана.